

Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918-1945)

Н.И. ШУБНИКОВА-ГУСЕВА

Российская академия наук, Институт мировой литературы

Ключевые слова: Есенин, общенациональный русский поэт, миф, русская эмиграция, русская литература «вне границ»

Сергей Есенин – ключевая фигура, олицетворяющая национальную целостность русской литературы «вне границ». Судьба поэта оказалась неразрывно связанной с культурой и историей русского зарубежья. И это определило не только пафос, но содержание и широкую географию работ о поэте (Берлин, Париж, Харбин, Нью-Йорк, Прага и др. центры русского рассеяния). Среди авторов работ о поэте люди самых разных взглядов и позиций: поэты, писатели, философы, художники, музыканты, историки. Наиболее ранний из обнаруженных отзывов о творчестве Есенина датируется 1918 годом. Завершающими являются вступительная статья Вячеслава Казанского (Завалишина), изданного под видом молитвенника рижской типографией Флетчера в 1944 году, и статья постоянного литературного обозревателя нью-йоркской газеты «Новое русское слово» Веры Александровой, написанная в конце 1945 года.

Несмотря на то, что работы о поэте этого периода содержат полярные оценки творчества поэта, дискурс русской эмиграции о Есенине ярко характеризует как русскую эмиграцию в целом, так и творчество самого поэта и может быть рассмотрен как единый текст с его предпосылками, характерными чертами, противоречиями и штампами.

Предпосылки дискурса русской эмиграции о Есенине

Предпосылки заинтересованного разговора эмигрантов о Есенине кроются в восприятии его «показательным» куском России, «русской души народной» (Давид Бурлюк). Многие эмигранты не только хорошо знали творчество поэта, но и были знакомы с ним лично и впоследствии написали о нем воспоминания.

Поездка Есенина за рубеж с Айседорой Дункан, выступления в Берлине, Париже и США в 1922-1923 годах, широкая известность в России, встречи с Максимом Горьким, Алексеем Толстым, а также Михаилом Осоргиным, Давидом Бурлюком, Николаем Оцупом, Георгием Ивановым, Ириной Одоевцевой, Георгием Адамовичем, Александром Бахрахом и мн. др., делают поэта еще более популярным в среде русских эмигрантов. За период с 1920-го по 1923-й годы русские зарубежные издательства выпускают пять авторских книг Есенина, систематически публикуются рецензии на книги поэта в самых разных регионах русского рассеяния.

По данным учета читательских требований Русской народной библиотеки в Праге, который проводился еще при жизни поэта в 1924 году, Есенин стоял за Иваном Шмелевым, опережая Михаила Лермонтова, Анну Ахматову, Лидию Сейфуллину и Леонида Леонова¹. В 1927 году В. Левитский в парижской газете «Возрождение» сообщал, что в школах на чужбине бережно хранят тетради со стихами о России Максимилиана Волошина, Александра Блока, Анны Ахматовой, Сергея Есенина.

Философ Николай Бердяев видел главную причину «культ личности» поэта в самоубийстве Есенина. Трагический конец, короткая и бурная жизнь поэта способствовали построению образа-мифа, который впитал разные взгляды тех, кто писал о нем, а также черты «биографического» и «стихового» Есенина, диалектику житетекста, полемичность его поэзии и элементы юродства в поведении поэта.

---

1. В.А. «Что читает эмиграция?», *Воля России*, Прага, 1925, № 9-10, с. 210-213.

Общая характеристика дискурса русской эмиграции о Есенине

Дискурс русской эмиграции о Есенине отражает основные линии взаимодействия русской литературы XX века – советской и эмигрантской. И в нем проявлялось и то, что объединяло эмигрантскую литературу с советской и то, что ее различало. Проблемы русской духовности, исторического развития России и тревога за ее будущее с различных точек зрения преломлялись в откликах на поэзию Есенина на родине и за рубежом. И в то же время в пристрастных суждениях эмигрантов ощутимы тоска по родине, политическая предвзятость, своеобразный эстетический консерватизм, полярность оценок творчества Есенина.

Политический апофеоз или политическая анафема

Поэзия Есенина, как и советская литература в целом, вызывала у многих эмигрантов политическое неприятие. В 1930 году Марк Слоним писал: «Там – политический апофеоз, здесь – политическая анафема». Позже он же заметил об эмиграции: «Некоторые не принимали даже Блока – из-за его “Двенадцати” – а уж о Есенине и Маяковском и речи быть не могло, все это клеймили как “революционную” нечисть». «Советскую литературу двадцатых годов вообще отрицали не только Гиппиус с Мережковским, неизбежно поминавшим дьявола при всяком обсуждении московских и ленинградских писателей, но и более терпимые эмигранты. В этом повальном неприятии политическая предвзятость соединялась с литературным традиционализмом и кружковщиной, и тут в одном лагере оказывались реакционеры и кадеты, умеренные социалисты и консерваторы»².

В ряде статей творчеству Есенина приписывался «хлыстовский», «распутинский» характер (см. статью В. Мацнева). Постоянные выпады против Есенина содержались в публикациях ведущего берлинского журнала «Русская книга», например, в статье его редактора Александра Яценко «Русская поэзия за последние три года».

---

2. Слоним М. «О Цветаевой», *Новый журнал*, Нью-Йорк, 1971, № 104, с. 152.

Последняя статья вызвала возмущение Ильи Эренбурга, который в письме к Яценко от 22 мая 1921 года выступил против травли «некоторых русских писателей, безусловно уважаемых в России людьми разных направлений, как то: А. Белый, Блок, Кони, Чуковский, Есенин и др. [...] Мне хочется верить, – заметил писатель – что Вы исправите неточности (в частности, о Серг. А. Есенине) и поймете как болезненно отражаются доходящие в Россию неосторожные обвинения»³.

Примером откровенно предвзятой политической оценки, продиктованной ненавистью к советской России, является статья Михаила Первухина «Пугачики». Все, что творит Есенин, критик назвал «дикой чушью, стряпней невежды, хулигана, пьяной скотины», а «беснующуюся советскую Россию» – «гигантским домом умалишенных и каторжной шпаны».

Отрицательно оценил «Пугачева», «грубо, кое-как сделанную поэму», Георгий Адамович, который, по собственному признанию, прочитал одну из наиболее популярных есенинских вещей лишь в середине 1924 года и ощутил в взвинченном и истерическом пафосе, роднящим ее с Маяковским, «потакание миллионам».

Характерно, что в восприятии таких разных авторов, как Федор Степун, Иван Бунин и Зинаида Гипшиус, Есенин вырастал в главную, типичную фигуру, олицетворяющую всю советскую Россию, которую они не принимали. Степун в 1925 году писал: «[...] Очевидный факт, что Бунин связан с прошлой, дворянской, а Есенин с будущей, крестьянской Россией. [...] Громадное наследство, которое Бунинская Россия передает Есенинской – несомненный факт; то же, что Есенинская преумножит это наследство – пока только надежда»⁴.

---

3. Цит. по кн.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921-1923.

4. Степун Ф. «Литературные заметки (Тонкий и чуткий г-н Воронский)», с. 327.

Эмигрантские публикации Гиппиус 20-х годов – яркие факты неприятия ею после революции поэзии Есенина, о которой в 1915 году она же – автор первой рецензии на его стихи, писала: «В стихах Есенина пленяет какая-то сказанность слов, слитость звука и значения, которая дает ощущение простоты [...]. Тут [...] мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие»⁵. Наряду с известной записью А. Блока, сделанной в марте 1915 года, где стихи Есенина названы «свежими, чистыми, голосистыми, многословными»⁶, эта характеристика поэзии Есенина в ее ранний период является наиболее зоркой и тонкой.

И вместе с тем, уже в этой статье обозначилась пропасть, разделившая человека «от земли» и Мережковских: «[...] Замечательно, – рассуждала З.Гиппиус о поэзии молодого рязанского поэта, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности, Есенин – настоящий *современный* поэт».

После Октября отношение к Есенину резко и определенно отразилось в суждениях Гиппиус о Блоке, Есенине и других писателях, которые приняли революцию: они «нелюди», а также в том, что она включила Есенина, А. Блока, А. Белого и др. в список «за упокой», в проскрипционный черный список писателей – перебежчиков, и в парижских статьях Гиппиус. В статье «Судьба Есениных», написанной вскоре после смерти поэта, Гиппиус рассмотрела судьбу поэта как судьбу «типичного русского, одаренного, нетронутого культурой человека». Большевики, по ее мнению, «не суть, не главное», а только русская душа, её важная и страшная черта: «самораспусканье, инстинктивная склонность к субъективизму и безответственности».

Эту же черту она видит в Блоке с его «слепым исканием упора, но бесконечными падениями в безответственность» и в «гениальном

---

5. Аренский Роман [Гиппиус З.]. «Земля и камень», *Голос жизни*, П., 1915, 22 апр.

6. См.: Есенин Сергей. *Полное собрание сочинений*, т. 6, 1999, с. 326.

Розанове», добавляя, что на Есенине это нагляднее. «[...] На фоне багровой русской тучи он носился перед нами, – или его носило, – как маленький черный мячик. Туда-сюда, вверх-вниз [...]». Эти суждения характеризовали отношение Гиппиус к революции, советской России и ее народу.

Крайне пристрастно отнесся к автору «Инонии» и «Стансам» И. А. Бунин. В статье «Инония и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого» едва ли не больше места уделено «советскому хулигану» Есенину. «Я обещаю вам Инонию! – Но ничего ты, братец, обещать не можешь, ибо у тебя за душой гроша ломаного нет, и поди-ка ты лучше проспись и не дыши на меня мессианской самогонкой!».

В страстных монологах Бунина о судьбе России и русской культуры, в его злых нападках на молодую советскую литературу, в барском пренебрежении к русскому мужику Есенин нередко становился главной фигурой, воплощением того, что писатель не принимал и отрицал. Правда, Бунин иронично и зло оценивал многих великих современников: Горького, Блока, Ахматову, Брюсова, Маяковского, преклоняясь перед Львом Толстым и «деликатнейшим» Чеховым. Но сам масштаб оценки Есенина крупнейшим писателем XX века чрезвычайно показателен. Литературная брань Бунина в адрес Есенина – это выпады против «Есенинской» России, которая, по его мнению, наследство «Бунинской» не только не оправдала, но и оскорбила.

Не стесняясь в самых резких выражениях, Бунин использовал любой повод для брани в адрес поэта. В 1927 году таким поводом послужил «Роман без вранья» Анатолия Мариенгофа. В статье «Самородки» Бунин выразил свой гнев к Есенину и писателям-разночинцам, «ко всей этой братии, которая камня на камне не оставила от всех наших идеалов и чаяний», перебила нас – сотнями тысяч, на весь мир опозорила Россию». В статьях Бунина Есенин выглядит бескультурным, распущенным хулиганом и пьяницей, который жил на средства стареющей Айседоры Дункан.

Тенденциозные оценки личности Есенина от «советского хулигана» до «колокольчика, подвешенного на шею советского осла» (А. Яблоновский) неизменно получали гневную отповедь в среде эмигрантов.

Статью «академика Бунина ... с хулой на А.Блока и Есенина и явно подтасованными цитатами (лучше никак, чем так!) долженствующими явить безбожие и хулиганство всей современной поэзии» Марина Цветаева назвала «прискорбной». Статья «Поэт о критике», в которой Цветаева выступила также против критиков Александра Яблоновского, Юрия Айхенвальда и Георгия Адамовича, подходивших к литературе с меркой политики, защитила от нападок эмигрантских критиков не только автора, но и Александра Блока, Бориса Пастернака и Есенина и вызвала небывалое множество откликов в печати русского зарубежья. Своего рода ответом на статью Бунина «Инония и Китеж» стал анализ «лебединой песни поэта» – «Инонии» в контексте всего творчества Есенина, сделанный В. Ф. Ходасевичем в статье «Есенин», опубликованной в 1926 году в «Современных записках».

Полярность оценок творчества

Суждения эмигрантов о творчестве Есенина крайне пристрастны и противоречивы и отражают общие черты эмигрантской критики, которой Георгий Адамович в 1932 году отказал даже «в единой или хотя бы главенствующей теме», и «всякой закономерности вообще», увидив лишь «разрозненные, друг другу противоречащие течения, самые различные настроения, отдельные миры или мирки в сознании каждого отдельного писателя».

В противоположность Бунину и Гиппиус многие эмигранты считали Есенина русским принцем поэтов. Европейскую известность приносит Есенину драматическая поэма «Пугачев». Илья Эренбург в рецензии на книгу называет поэму «началом высокого эпоса», а Алексей Толстой причисляет Есенина к

«создателям новой русской трагедии, основой которой является “миф о революции”»⁷.

В 1922 – 1923 годах появляется ряд работ, в которых дается эстетическая оценка всего творческого пути Есенина. Серьезными рецензиями отмечен в берлинской периодике выход гржебинского «Собрания стихов и поэм». Нина Петровская писала: «[...] Есенин, действительно, чудо чудесной эпохи русской жизни, умеющей сочетать в колоссальном размахе и гибель, и возрождение. Он плоть от плоти ее, но не рассудочный теоретик строительства новой жизни, а только поэт ее, запевший утром под немеркнувшей лазурью русских полей. [...] Через природу, через молитвенно-созерцательное касание к Мировой Душе он приобщается к вечному источнику поэзии». «Самоцветами чистой воды» назвала Петровская «Корову», «Лисицу», «Песнь о собаке».

Александр Бахрах оценил в Есенине лирика, чарующего прелестью своей непосредственности, и «летописца последних лет жизни послереволюционной русской деревни», в томике которого больше материалов, «чем в десятках диссертаций» и заметил: «В поэзии он – Моцарт».

Бесспорно крупным художником считали Есенина Николай Бердяев, Роман Гуль, Константин Мочульский, Юрий Анненков, Марк Слоним, Николай Устрялов и др. При этом важно не только отношение, но и выстраиваемый ряд классиков советской поэзии, более свободный от примеси идеологических оценок, нежели непоколебимая до недавних пор субординация вершин советской литературы принятая на родине поэта.

Михаил Осоргин, видевший «блестку настоящей гениальности, не раз сверкнувшей в культурнейшем Андрее Белом и в некультурнейшем Есенине»⁸, назвал Есенина «среди живых и

---

7. Толстой А. Н. «О новой литературе», *Накануне*, 1922, 11 июня, Лит. прилож.

8. Осоргин М. А. «Маяковский. Для голоса», с. 456.

творящих – самым большим и самым чистым, подлинным, настоящим русским поэтом его поколения».

«Пусть Пастернак создал или создаст новую школу поэзии, – писал Осоргин, – пусть Ходасевич “привил классическую розу к советскому дичку”, им и прочим почет и уважение, – но на простых и чутких струнах сердца умел играть только Сергей Есенин, и, после Блока, только его поэзия ощущалась как дар свыше». Ходасевич, посвятивший Есенину несколько статей, открыл записи «Парижского альбома» (1926) очерком о Есенине. Николай Бердяев называл Есенина «самым замечательным русским поэтом после Блока». Первый портрет книги Марка Слонима «Портреты советских писателей» (1933) – портрет Есенина, за которым следует Маяковский.

С конца 20-х – 40-х годов, когда под флагом борьбы с есенинщиной – явлением порожденным объективными противоречиями действительности тех лет и отождествляемым в России с именем Есенина, советские критики почти не писали о поэте, реакция русского зарубежья на его поэзию в эмиграции приобрела характер внутреннего диалога. И в эти годы русская зарубежная есениниана пополнилась новыми значительными работами Николая Устрялова, Владислава Ходасевича, Вячеслава Казанского (псевд., наст. фам. Завалишин), Веры Александровой, Надежды Плевицкой, Юрия Морфесси, Михаила Талызина, Георгия Адамовича, Марины Цветаевой, Ивана Андреева, Родиона Березова (Р. Акульшина) и др.

Как замечает Александрова, подводя итоги отечественным публикациям о поэте периода 1925-1945, «по понятным причинам литературные критики в откликах на смерть Есенина старались затушевать чувство разочарования Есенина в итогах революции. Именно тогда была пущена в ход легенда, которая изложена в предисловии к [...] книжке “Избранных стихов” (1931 г.), что Есенин был певцом старой деревни, искренне хотел найти свое место в пролетарской революции, но крестьянское происхождение крепко держало его в своих лапах».

Вопрос об отношении Есенина к революции привлекал внимание многих эмигрантов. Николай Устрялов, которого Глеб Струве назвал «наиболее умным из сменовеховцев», увидел в поэзии Есенина противоречие «клена и Маркса». При этом он опроверг высказывания советских критиков второй половины 20-х годов, Николая Бухарина, Льва Троцкого и Карла Радека о том, что Есенин оказался несродни революции:

Есенин был в революции, в ее реальной национальной стихии. Но «догматы революционной доктрины», каноны политической ортодоксии не были для него перлом создания, откровением истины. «Тяжелые марковские книги» – они не довольствуются молчаливым почтением, они подбираются и к «лире». И вот из-за них уже не видно березок, сини, сосавшей глаза, старого клена на одной ноге, не слышно дыма белых яблонь [...].

Раскрывая «ворожбу» и тайну художественной власти есенинской поэзии, многие как правило отмечали лишь одну ее сторону как сущностную и органичную. Для одних поэт – отъявленный скандалист и невероятный кощунник (А. Яблоновский). Напротив, талантливый, рано умерший критик Федор Иванов усмотрел тайну очарования есенинской поэзии в мягкости, задушевности дарования, сравнив его с героем романа Федора Достоевского Алешей Карамазовым.

Русские эмигранты по разному подходили к проблеме традиций и новаторства поэзии Есенина. Алексею Толстому близок Есенин «деревенской», «деревянной» Руси: «Кому нужно, чтобы вы изо всей силы притворялись хулиганом? [...]. Не верю, честное слово [...] милый Есенин, не хвастайте [...] А “хулиганы”, скифы, вращающиеся башни и поэзобетоны превратились уже просто в уездный эстетизм»⁹. А для Эренбурга, напротив, существо поэзии Есенина в принадлежности к русскому авангарду и соответствии эпохе Татлина. «Когда же вы поймете, церемонные весталки российской словесности, что самогонкой разгула, раздора, любви и горя захлебнулся Есенин? Что “хулиган” не “апаш” из костюмерной на ваших былых *bal-masqué*, а огненное лицо,

---

9. Толстой А. «Сергей Есенин. Исповедь хулигана. Третьякница».

глядящее из калужских или рязанских рощиц? Страшное лицо, страшные книги»¹⁰.

Святополк-Мирский по сути опроверг концепцию «самородка», выходящего из народа, «органа, созданного природой исключительно для поэзии» (М. Горький), показав, что Есенин связан с большим литературным прошлым, особенно с Блоком, декоративным народничеством стихов А.Н.Толстого, сентиментальным народничеством 70-х годов.

Но неоднородность и даже полярность оценок творчества Есенина отражает не только разность позиций критиков, но и полемическую целостность его поэзии, реальное сочетание в ней различных начал: лирик и романтик (Д. Святополк-Мирский), «взъерошенный эпик, в томах которого [...] больше материалов, чем в десятках диссертаций» (А. Бахрах), продолжатель народно-песенных традиций русской классики (А. Толстой), авангардист и безусловный имажинист (И. Эренбург, Р. Гуть), религиозный поэт (К. Мочульский).

Фигуры и концепции дискурса

«Обычная и принятая характеристика Есенина: талантливый поэт и хулиган». Так в огрубленной форме сразу после смерти поэта Михаил Осоргин выразил две ипостаси поэтического мифа Есенина, завоевавшего чувства и сознание русских людей XX века. Личность и биография Есенина стала не менее известна, чем его стихи. И в своей искаженной и огрубленной форме отразилась в образе поэта, который отразили Бунин и Гиппиус.

С годами Есенин не ушел в историю и не стал предметом капитальных исследований по поэтике как другие видные поэты-современники – Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Осип Мандельштам и др. Статей исследовательского характера, заслуживающих внимания своей концепцией (с которой можно и не соглашаться), немного. Среди них работы

---

10. Эренбург И. «Исповедь хулигана. Третьякница».

Константина Мочульского, Романа Гуля, Владислава Ходасевича, Марка Слонима, Вячеслава Завалишина и некоторых других.

Константин Мочульский

Одной из наиболее заметных работ о творчестве Есенина является статья выдающегося литературоведа русской эмиграции, широко известного своими книгами о русских писателях XX века, особенно книгой о Достоевском, переведенной на многие европейские языки, Константина Мочульского «Мужичьи ясли». Она написана в 1923 году. Мочульский, тогда еще молодой исследователь и критик, рассмотрел все стихи Есенина как песни одной большой поэмы с могучим замыслом и единой темой: «Есенин – пророк и его поэма о России должна быть новой Библией». Заметив, что быт и религия для Есенина – одно, труд освящен верой, а житейский обиход складывается в обряд», критик впервые убедительно показал, что Есенин «живет в мифах».

По мнению критика, поэт систематически проводит два ряда метафор. Один из них отражает мифологию и быт первобытного народа: «Ягненок кудрявый – месяц гуляет в голубой траве [...] бодаются его рога», «И невольно в море хлеба рвется образ с языка: отелившееся небо лижет красного телка», «Тучи ржут как сто кобыл». Другой ряд характеризует неожиданные переходы из религии в быт и из быта в религию. Русский пейзаж, по мнению Мочульского, становится у Есенина «храмом, убогий и унылый крестьянский быт – богослужением в нем».

В отличие от многих других авторов Мочульский не противопоставляет эти разные ряды метафор, а наоборот, видит их некую органическую целостность:

Подмена живописи иконописью, растворение крестьянского быта в «литургии», – пишет он, – определяют собой всю систему образов. Контуры Христова Лица слагаются из линии полей, оврагов, лесов: рисунок, данный Блоком в «Стихах о России» бережно сохраняется Есениным. Он только разрабатывает штрихи, нагромождает параллели. [...] Тожество – «Природа России – Богородицын покров» распространяется на все

мелочи. Поэт считает себя обязанным каждую кочку интерпретировать мистически. Приемы чисто словесные: кропотливо записывается «земной» вид: деревня, гумно, поле, но он весь – сквозной: через метафоры просвечивает небо.

Обращая внимание на некоторые образы Есенина, которые кажутся Мочульскому безвкусными («Пухнет Божье имя / В животе овцы») или напоминающими Блока («И целует [ветер] на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу»), критик раскрывает «утонченно культурное обличье мифологии Есенина», неисчерпаемого в словестном воображении, «асто остроумного, всегда дерзкого», любящего эффекты, неожиданные сопоставления и трюки.

Однако спустя почти два с половиной года Мочульский не сумел увидеть многозначность и обилие интонаций в поэме Есенина «Анна Снегина» и негативно отозвался об одной из лучших произведений поэта. Назвав поэму романтической, Мочульский расценил «попытки автора возвести себя в романтические герои», как «крайне плачевные» и приписал поэту – «дворянскую идеологию».

«Романтизм Есенина особенный. “Усадебная тема” разработана им в “народном” стиле; вокруг “разросшегося сада” буйствуют пьяные мужики и замирающие звуки романса чередуются с матерщиной. Поэма, несмотря на всю свою чувствительную серьезность, кажется пародией».

Владислав Ходасевич

Обычно холодный Владислав Ходасевич тепло писал о Есенине-человеке. Главную черту Есенина критик видел в том, что поэт воскрешает древнерусскую мифологию. Анализируя библейские поэмы Есенина в своей первой крупной работе о поэте (1926), Ходасевич особенно внимательно относится к «Инонии», которую называет «лебединой песней» поэта. Ходасевич развивает мысль о языческих началах есенинской веры. Особое внимание критик уделяет образам: «небо – корова. Урожай – телок. Правда земная-воплощение небесной» и их видоизменениям в землю-корову и

родину: «О, родина, счастливый / и неисходный час! / Нет лучше, нет красивей / Твоих коровьих глаз».

В отличие от Мочульского Ходасевич не видит органического единства языческих и христианских мотивов в творчестве поэта. Анализируя поэму «Пришествие», где Русь представляется Есенину тем местом, откуда приходит в мир последняя истина, критик замечает, что «все образы христианского мифа даны Есениным в измененных (или искаженных видах), в том числе и образ самого Христа». «Псевдохристианскую терминологию» Есенина Ходасевич расшифровывает следующим образом:

Приснодева = земле = корове = Руси мужицкой.
Бог = отцу = небу = истине.
Христос = сыну неба и земли = урожаю = телку =
воплощению небесной истины = Руси грядущей.

Для есенинского Христа, – пишет Ходасевич, – распятие есть лишь случайный трагический эпизод, которому лучше бы не быть и которого могло бы не быть, если бы не [...] «контрреволюция». Примечательно, что в «Пришествии» подробно описаны бичевание, отречение Петра и предательство Иуды, а самое распятие, т. е. хоть и временное, но полное торжество врагов – только робко и вскользь упомянуто: это именно потому, что контрреволюция, с которой так сказать, как с природы, Есенин писал муки своего Христа – в действительности ни секунды не торжествовала. Так что, в сущности, есенинский Христос и не распят: распятие упомянуто ради полноты аналогии, для художественной цельности, но вопреки исторической и религиозной правде (имею в виду религию Есенина).

Статью «Есенин», о которой идет речь, Ходасевич написал еще при жизни Есенина, по собственным словам «так бездарно», что не решился печатать, особенно в журнале (письмо Ходасевича к Марку Вишняку от 12 авг. 1925 г.). Судя по содержанию статьи, Ходасевич ее переработал после смерти Есенина, но остался ею недоволен. В письме к Юрию Терапиано от 12 февраля 1926 года он признавался, что статья вышла в значительной мере политической.

Концепция Ходасевича, действительно, во многом является спорной, так как критик недооценивает христианство Есенина, которое своеобразно перекрещивается с народными языческими мотивами.

Случайным для Есенина Ходасевич считает вступление в группу имажинистов. Он пишет о том, что поэта затащили в имажинизм как затаскивают загулявшего парня в кабак, чтобы за его счет кутнуть. Напротив, Роман Гуль в работах о поэте утверждал, что Есенин – «безусловный и яркий имажинист». А Евгений Замятин в 1933 году, вспоминая о конкуренции двух литературных групп Москвы 20-х годов, где «звонко пел Есенин и великолепно рычал Маяковский», писал: «С таким же правом, как Маяковский мог сказать: “Футуризм – это я!” », Есенин мог заявить: «Имажинизм – это я!».

Острый интерес к творчеству Есенина Ходасевич проявляет постоянно вплоть до своей смерти в 1939 году. Он посвящает творчеству поэта специальные статьи, кроме названной выше: «Есенин: Парижский альбом» (май 1926), «Цыганская власть» (1927), «О Есенине» из цикла «Книги и люди» (1931) и уделяет немало внимания жизни и творчеству поэта в других работах о советской литературе.

В статье «Есенин» из серии статей «Парижский альбом» Ходасевич пишет о внутреннем разрыве Есенина с советской Россией и с литературными формами, в ней господствующими. «В советской республике Есенин становился бесконечно одинок – и так же одинок его поэтический путь. Отстав от кабацкой компании, он живет лицом к лицу с самим собой, со своей строгой совестью». «Внутренне порвав с советской Россией, Есенин порвал и с литературными формами, в ней господствующими. Можно бы сказать, что перед смертью он душевно “эмигрировал к Пушкину”».

Критически оценив книгу «маленького воспоминателя» Анатолия Мариенгофа, в которой Есенин показан «с очень внешней стороны, вовсе не проникновенно» и всю «имажинистскую

школу» Ходасевич в конечном счете обвиняет не в литературную богему, а «богему правящую», богемную «цыганскую власть».

В отклике на смерть Маяковского Ходасевич противопоставил конец Есенина, в котором было «большое, подлинное мучение души заблудшей, исковерканной, но в глубине – благородной – благородной, чистой и поэтической», концу Маяковского, которому отказал в чистоте и благородстве.

В последней из названных статей Ходасевич подчеркнул общечеловеческое содержание поэзии Есенина: «Раскаяние и бунт, отчаяние и разгул – вот что вычитывается сейчас в Есенине, уже не придавая особенного значения тому, в чем именно он раскаивается и против чего бунтует».

Составляя свою последнюю, вышедшую в год его собственной смерти книгу воспоминаний «Некрополь», куда вошло всего девять портретов о тех, кого нужно помнить (среди них Андрей Белый, Максим Горький, Александр Блок, Николай Гумилев и др.), Ходасевич включил в нее статью «Есенин», опубликованную в 1926 году в «Современных записках».

Георгий Адамович

Анализ эмигрантских изданий показывает, что отношение многих русских писателей и критиков к Есенину было далеко не однозначно и с годами существенно менялось. Особенно показательны в этом смысле работы бывших поэтов-акмеистов: Георгия Адамовича, Георгия Иванова, Николая Оцупа и др.

Адамович, Иванов и Оцуп были знакомы с Есениным с 1915 года, встречались с ним в Петрограде и, будучи эмигрантами, в Берлине, а Оцуп и в Москве в 1921 году. Все они написали о Есенине воспоминания и неоднократно обращались к его творчеству. В годы первых петербургских встреч сказалась разность эстетических взглядов. Причем неприятие было взаимным. Анна Ахматова вспоминала: «Мне всегда казалось, что Есенин относится ко мне и ко всем тем, кто меня окружал, как к

своей полярности и в силу этой полярности возможность взаимопонимания исключал».

Наиболее заметно изменил с годами отношение к Есенину Адамович. В «Литературных беседах», которые критик публиковал в парижской газете «Звено» в 1925 году при жизни поэта, он называл его «дряблым, вялым, приторным, слащавым стихотворцем». «Ничего русской поэзии Есенин не дал, писал Адамович. – Нельзя же считать вкладом в нее “Исповедь хулигана” или смехотворного “Пугачева” [...]». Как известно, непоследовательность и противоречивость оценок Адамовича, одного из ведущих критиков зарубежья, Цветаева продемонстрировала в статье «Поэт о критике», приложив к ней выбранные из его работ цитаты под общим названием «Цветник».

Однако в отношении к Есенину эта непоследовательность явно проявится лишь с годами. Сразу после смерти поэта Адамович пожалеет бедного мальчика, сбившегося, надорвавшего силы, вспомнит встречи с ним в Петрограде и Берлине и подтвердит свою оценку его поэзии – поэзии, на его взгляд, слабой, которая не волнует его «нисколько и не волновала никогда».

Полемизируя со статьей Осоргина, посвященной памяти Есенина, Адамович откажет Есенину не только в величии и трагизме, но и в способности воспитывать и возвышать душу и потому охотно причислит себя к людям, которых Осоргин назвал «безнадежно равнодушными и невосприимчивыми».

Но уже в 1929 году в отклике на берлинское издание «Романа без вранья» Анатолия Мариенгофа, который Адамович назвал книгой «умной, резкой и смелой», критик пытается объяснить феноменальную популярность Есенина его жизнью:

Имя Сергея Есенина проникло в широкую публику. Его знают даже те люди, которые никогда есенинских стихов не читали, да и вообще никаких стихов не читают. Несомненно, главная причина этого – в неожиданном самоубийстве поэта, да еще, пожалуй, в некоторых обстоятельствах, его самоубийству предшествовавших: в любви Есенина к Айседоре Дункан, их поездке по Европе,

их разрыве, наконец. Короткая, бурная и печальная жизнь
Есенина многих поразила и о ней стали слагаться легенды.

Но в эволюции взглядов Адамовича на Есенина знаменательной становится другая, как бы случайно брошенная фраза: «В последние годы жизни Есенин стал сложнее и привлекательнее». По сути она противоречит процитированным выше рассуждениям о есенинской популярности и содержит будущую оценку его лирики последних лет.

С годами противоречие оценки и отношения к есенинской поэзии проявилось у Адамовича еще более ярко и определенно. В статье 1935 года, будто сотканной из противоречий и парадоксов, Адамович писал: «[...] Надо по справедливости признать, что у Есенина есть место в русской поэзии. Место свое, особое. [...] Есенин нашел великую тему, великий поэтический мотив. [...] Противиться ему нельзя».

Но от ранней оценки критик не отказался и утверждал, что его, как и Зинаиду Гиппиус, раздражали в Есенине «именно “тетры”, то есть его наряд и общая нарядность его стихов», и вспоминал убийственное высказывание в адрес Есенина Николая Гумилева: «как дважды два, ясен и, как дважды два, неинтересен». И здесь же Адамович вслед за Ходасевич, но в противоположном смысле развил мысль о поэтическом мифотворчестве Есенина, которое шло от Библии.

Есенин «создает миф – с непостижимо откуда взявшимся вдохновением к мифу! Дело даже не в деревне. Есенин вновь возвращается от всех своих жизненных блужданий и ошибок – к тому, что любил как бы до своего “грехопадения”. Повторяю, ему нельзя противиться, потому что он в этом своем стремлении слишком праведен! Вся тема потерянного рая, все загадочное сказание о “блудном сыне” – за него и самые патетические моменты мирового искусства ему родственны». Причину популярности этого мифа, на который откликались и откликаются «бесчисленные русские сознания», Адамович видит теперь в его русском характере. «У рязанского “паренька” –

замечает он, еще слышатся “наши шесты в овсе”, как сказал Блок, у него еще звучат типично-русские ноты раскаяния и покаяния».

Наконец, в статье «К спорам о Есенине», противореча своим собственным высказываниям 25-летней давности, признался, что очень любит стихи Есенина, «есть в есенинской певучей поэзии прелесть, незабываемая, неотразимая».

Признание Есенина как общенационального поэта

Главной заслугой русской эмиграции является признание Есенина «общерусским общенациональным мастером слова. «Есенину присущ, – заметил Алексей Толстой, – этот стародавний, порожденный на берегах туманных, тихих рек, в зеленом шуме лесов, в травяных просторах степей, этот певучий дар славянской души [...]»¹¹

В то время, когда на родине Есенин воспринимался почти исключительно как поэт деревенский и крестьянский, зарубежные критики особенно остро ощущали, что чувство родины в широком смысле этого слова является основным в его творчестве. Размышляя над поэмой Есенина «Преображение» как произведением патриотическим, Петр Савицкий (Петроник) еще в 1921 году писал: «Никогда, быть может, за все время существования российской поэзии, от “Слова о полку Игореве” до наших дней, – идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружева и узоры созвучий и образов [...]».

Смерть поэта еще более обострила отношение русских к Есенину. Илья Эренбург, отправивший в Россию некролог памяти поэта, писал о них поэтессе Елизавете Полонской 12 января 1926 года из Парижа: «С Есениным здесь нечто однородное – люди, вчера его травившие, сегодня бьют кулаками в грудь: “национальный поэт” (Раньше не заметили). Скажи мне, что это за народ, способный только мастерски хоронить»¹².

---

11. Толстой Алексей. «Сергей Есенин. Исповедь хулигана. Третьякница», с. 16.

12. РНБ, арх. Е. Г. Полонской, ф. 602, № 528, л. 1.

«Не любить Есенина для русского читателя теперь, – категорически заявил в одном из пражских журналов критик князь Дмитрий Святополк-Мирский, – признак или слепоты, или, если он зряч – какой-то несомненной моральной дефективности». Как бы обобщая пафос эмигрантских критиков, Марк Слоним в очерке «Сергей Есенин» называл Есенина поэтом глубоко национальным по всем формальным моментам своей поэзии.

Нетрадиционный образ Есенина, рисуемый русскими эмигрантами, возникал в драматизме жизненных коллизий, ярких парадоксах и противоречиях. Но этот спор вырастает в многоголосый диалог о судьбах родины и России. Литература оставалась для русских эмигрантов формой национального самосохранения и самовыражения. Поэтому в ответе на вопрос, как рассматривать русскую литературу XX века, две литературы, советская и эмигрантская, или одна литература и разные литературные процессы, отношение к Есенину многое проясняет. Есть одна русская литература и два литературных процесса.

Великая духовная миссия национального русского поэта XX века состоит в том, что он стал фигурой, которая объединяла расколотую надвое русскую литературу XX века. Наиболее ярко эту миссию Есенина определил в 1950 году Георгий Иванов: «На любви к Есенину [...] сходятся два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего. [...] Мертвому Есенину удалось то, что не удалось за тридцать два года большевизма никому из живых. Из могилы он объединяет русских людей звуком русской песни [...]».

Русский парижанин Н. Брянчанинов в статье «Молодые москвиты», опубликованной в парижском журнале «La Nouvelle Revue» еще при жизни поэта (1923, 15 мая), писал: «В настоящее время, со смерти Александра Блока, умершего в 1921 г., Есенин

бесспорно наиболее известный, если не величайший поэт России. Этот молодой поэт есть явление природы»¹³.

Сопровождая перевод статьи Н. Брянчанинова, О. С. Смирнов писал: «[...] где-то в далеком от нас Париже, среди последних достижений мировой культуры, по нескольким дошедшим до нас книгам, иностранец сумел просто и искренно подойти и по достоинству оценить Твои произведения. Впрочем, это в порядке вещей, и имя Есенина наряду с именем Шаляпина, Горького, Рахманинова, Коненкова и многих других послужит лишь продолжением той длинной плеяды русских гениев, к сожалению ценимых на Западе больше, чем у себя на родине»¹⁴.

Библиография

- А. В. «У С.А.Есенина (Беседа), *Накануне*, Берлин, 1922, 16 мая.
- А. В. «Нам хочется Вам нежно сказать...», *Накануне*, 1922, 10 июня.
- Адамович Г. «Воспоминание о Есенине <рец. на берлинское изд. кн. А. Мариенгофа «Роман без вранья»>», *Иллюстрированная Россия*, Париж, 1929, № 26, с. 14.
- Адамович Г. «Есенин (К десятилетию со дня смерти)», *Последние новости*, Париж, 1935, 26 дек.
- Адамович Г. «К спорам о Есенине», *Новое русское слово*, 1950, 17 дек.
- Адамович Г. «Литературные беседы», *Звено*, 1925, 16 нояб, с. 2.
- Адамович Г. «Литературные беседы: Сергей Есенин», *Звено*, Париж, 1926, 10 янв.
- Адамович Г. «Литературные заметки» <о «Пугачеве»>, *Звено*, Париж, 1924, 11 авг.
- <Адамович Г.В.> «Москва кабацкая. – “Пусть спеет”. – Благородство и правдивость», *Звено*, Париж, 1925, 16 февр.
- Адамович Г. «О литературе в эмиграции», *Современные записки*, Париж, 1932, № 50, с. 327.
- Александрова В. «К 50-летию со дня рождения Есенина», *Новое русское слово*, Нью-Йорк, 1945, 2 дек.

---

13. Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы / Общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой, М.: Республика, 1995, с. 275.

14. Там же, с. 331.

Алексеев Г. см. Г.А.

Алексеев Г. «Сергей Есенин» // Алексеев Г. *Деревня в русской поэзии*, Берлин, 1922, с. 82-89.

Алексеев Г. «Сергей Есенин», *Слово*, Берлин, 1922, № 10, с. 30-32; То же в сокр. // Алексеев Г. *Живые встречи. Русские писатели в революции*, Берлин, 1923, с. 51-56.

Аничков Е. «Футуризм и годы революции. Каменский – Маяковский – Шершеневич – Есенин – Эренбург – Кириллов и все их великое множество» // Аничков Е. *Новая русская поэзия*. Берлин, 1923, с. 141-142.

Анненков Ю. «Памяти Есенина», *Парижский вестник*, 1925, 31 янв.

Апр. «Скифская поэзия (Стихи А. Блока, А. Белого, Н. Клюева и С. Есенина)», *Руль*, Берлин, 1921, 16 (3) янв.

Артемьев М. «Подпольная литература в современной России», *Возрождение*, Париж, 1931, 15, 16 февр.

Арум <Алымов С. Я.> «Поющий дикаренок. Сергей Есенин. – Пугачев», *Гонг*. Харбин, 1923, март., № 2, с. 22-23.

Асеев Ник. «Еще один», *Дальневосточная трибуна*, Владивосток, 1921, 12 февр (30 янв.).

Ахматова А. «Сергей Есенин», *Наш современник*, М., 1990, № 10, с. 157-158.

Ашкинази З.Г. «Красный Христос», *Свет*, Харбин, 1921, 22 июля.

Бахрах Александр. «С. А. Есенин. Собрание стихов и поэм, т. 1», *Струги*, Берлин, 1923, кн. 1, с. 202-204.

Бахрах Александр. «С. А. Есенин. Собрание стихов и поэм, т. 1», *Дни*, 1922, 24 дек., с. 19.

Бердяев Н. *О самоубийстве. Психологический этюд*, Париж, 1931, с. 14.

Бережанский Ник. <Козырев Н.Г.> «Шоколадные "Скифы"», *Сегодня*, Рига, 1921, 7 янв.

<Б. п.> «Аппендицит стихов. Школа имажинистов», *Заря*, Харбин, 1922, 24 янв.

<Б. п.> «В духе времени», *Вестник Манчжурии*, Харбин, 1918, 11 апр.

<Б. п.> «Книги, поступившие в 1918-1920 гг. в Советской России. С. Есенин – П. Орешин», *Русская книга*, Берлин, 1921, март, № 3, с. 43.

- <Б. п.> «Новая поэма имажиниста С.Есенина», *Курьер*, Владивосток, 1921, 3 дек.
- <Б. п.> «Новые стихи Есенина», *Сегодня*, Рига, 1925, 12 сент.
- Бунин И. А. «Инония и Ките: К 50-летию со дня смерти Гр. А. К. Толстого», *Возрождение*, 1925, 12 окт.
- Бунин Ив. «Самородки», *Возрождение*, Париж, 1927, 11 авг.
- Бурлюк Д. «Поэт С. А. Есенин и А. Дункан», *Новое русское слово*, Нью-Йорк, 1922, 7 окт.
- В. Мечтатель <Левин В.М.> «Светлый остров. I. Певцы с Волги. II. В борьбе за слово (О новейших течениях в русской поэзии)», *Печаль полей*, Чита, 1922, сб. 1-й, с. 28-33.
- В. П. «Хроника советской литературы», *Последние новости*, Париж, 1925, 24 сент.
- В. А. «Что читает эмиграция?», *Воля России*, 1925, № 9-10, с. 210-213.
- Варшер Т. «Литературн <ая> кадрилл накануневцев или в гостях у "голых людей"», *Сегодня*, Рига, 1922, 10 июня.
- Василевский И. М. см. Не – Буква.
- Ветлугин А. <Рындзюн В.И.>. «Нежная болезнь», *Накануне*, Берлин, 1922, 4 июня, с. 5-6, Лит. прилож.
- Ветлугин А. «Воспоминание об Есенине», *Русский голос*, Берлин, 1926, 30, 31 марта; 3, 5, 12 апр.
- Ветлугин А. «День за днем: Пушкин о дневнике Байрона; ослы подняли копыто; Есенин – человек и Есенин-поэт, священная болезнь; опасные друзья Есенина», *Русский голос*, Берлин, 1923, 26 нояб.
- Вольский А. <Гроним>. «Сергей Есенин. Пугачев», *Накануне*, Берлин, 1922, 24 нояб., с. 5.
- Воути В <Воутилайнен В.И.> «"Аппендицит стихов": (Кое-что о "банде" имажинистов)», *Новая русская жизнь*, Гельсингфорс, 1921, 3 дек.
- Г. А. <Глеб Алексеев>. «Сергей Есенин. Пугачев», *Веретенши*, Берлин, 1922, окт., № 2, с. 10.
- Гиппиус З. см. Крайний Антон.
- Гиппиус З. «Судьба Есениных», *Последние новости*, Париж, 1926, 28 янв.
- Гор В. «Советский Парнас», *Свет*, Харбин, 1922, 10, 11 февр.
- Горный Сергей. «Есенин», *Руль*, 1925, 31 янв.

- Гребенщиков Г. «Сереза Есенин», *Зарница*, Нью-Йорк, 1926, № 9, с. 12-13.
- Гуль Роман. «Есенин», *Заря*, Харбин, 1923, 12 дек.
- Гуль Роман. «Есенин. Избранное. М., 1922», *Новая русская книга*, 1923, № 2, с. 14.
- Гуль Роман. «Живопись словом», *Накануне*, Берлин, 1923, 21 окт.
- Дехтерев А. «О последнем стихотворении Есенина», *Числа*, Париж, 1934, № 10, с. 240-241. Е.В. «Читинские сказки для детей», *Русский голос*, Харбин, 1922, 25 янв., с. 4.
- Елагин В. «Не впервые», *Парижский вестник*, 1926, 12 янв.
- Есенин Сергей. *Исус Младенец*: Поэма, Чита: Изд-во «Скифы» на Дальнем Востоке, 1921.
- Есенин Сергей. *Полное собрание сочинений*, в 7 т. (9 кн.), М.: Наука – Голос, 1995-2001.
- Есенин Сергей. *Пугачев*, Берлин: Русское универсальное изд-во, 1922.
- Есенин Сергей Александрович. *Собрание стихов и поэм*, т. 1, Берлин. Пб., М.: Изд-во З.И.Гржебина, 1922.
- Есенин Сергей. *Стихи скандалиста*, Берлин: Изд-во И.Т.Благова, 1923.
- Есенин Сергей. *Триптих*. Берлин: Скифы, 1920.
- Знаменский С. Ф. см. С. 3.
- И. «Хроника советской литературы», *Последние новости*, Париж, 1925, 3 сент.
- И.Э. <Илья Эренбург>. «Сергей Есенин. Пугачев», *Новая русская книга*, Берлин, 1922, февр. № 2, с. 15-16.
- Иванов Г. «Литература и жизнь (Маяковский, Есенин)», *Возрождение*, Париж, 1950, № 8, с. 198.
- Иванов Федор. «Без дороги. (Поэзия имажинистов) – Вл. Маяковский», *Голос России*, Берлин, 1921, 27 июля.
- Иванов Федор. «Мужицкая Русь (Николай Клюев, Сергей Есенин)», *Голос России*, Берлин, 1921, 20 июля.
- Иванов Федор. «Мужицкая Русь (Николай Клюев, Сергей Есенин)», Иванов Федор *Красный Парнас*, Берлин, 1922, с. 57-66.
- Ионов П. «Из берлинских впечатлений: Эмигранты», *Петроградская правда*, Берлин, 1922, 21 июля.
- Казанский В. (Завалишин В.) «Жизнь и творчество Есенина», Есенин С. *Избранные стихотворения*, Рига, 1944, с. 7-27.

- Киселев Алексей. «Мессианство в новой русской поэзии. “Пророк Есенин Сергей”», *Путь*, Гельсингфорс, 1921, 31 марта, 1 апр.
- Крайний Антон <Гиппиус З.> «Лундберг, Антонин, Есенин», *Последние новости*, Париж, 1922, 6 июля.
- Крайний Антон <Гиппиус З.>. «Литературная записка. О молодых и средних», *Современные записки*, Париж, 1924, № 19.
- Красильников В. «Интеллигент, оторвавшийся от крестьянства»; Гусман Б. «За Маркса тихо сядем», *Русский голос*, Нью-Йорк, 1926, 3 янв., Воскресное прилож.
- Кумминг Евгений. «Заметки о Совдепии. 2. Литературная жизнь Москвы», *Свобода*, Варшава, 1921, 12 марта.
- Кусиков А. «Неужели это случилось?», *Парижский вестник*, 1925, 30 дек.
- Кусиков А. «Только раз ведь живем мы, только раз...», *Парижский вестник*, 1926, 10 янв.
- Кусиков А. «Битюг (Клюев и Есенин)», *Накануне*, Берлин, 1922, 7 мая, 6-7, Лит. прилож.
- Л.П. <Л.Павлович> «Переходный период. “Свое лицо”, “Испытание в грозе и буре”, “Россия и Инония”, “Триптих”, “Песнь Солнценосца”», *Народное дело*, Ревель, 1921, 3 февр.
- Лебедев Н. «Поэтические школы», *Новый путь*, Рига, 1922, 1 янв.
- Левин В. См. В. Мечтатель.
- Левитский В. «Песни и стихи нашей молодежи», *Возрождение*, Париж, 1927, 19 июля.
- Логинов Василий. «“Роман без вранья” Библиографическая заметка», *Гуан-Бао*, Харбин, 1928, 28 окт.
- Л-рг Е. <Лундберг Евгений>. «Сергей Есенин. Трерядница», *Новый мир*, Берлин, 1922, 1 янв.
- Лундберг Евг. *Записки писателя*, Берлин, 1922; Его же. 2-е доп. изд., Л., 1930, т. 1 и 2.
- Лундберг Е. см. Старый хроникер.
- Лурье Вера. «Сергей Есенин. Пугачев. Берлин. 1922», *Слохои*, Берлин, 1922, нояб., № 13, с. 29.
- М. Сл. <Слоним Марк>. «С. Есенин. Стихи (1920-24). М.; Л., 1924», *Воля России*, Прага, 1925, № 12, дек., с. 158-160.
- М.С. <Сивачев М.> «Искусство в советской России», *Новости жизни*, Харбин, 1922, 1 янв.

- Мацнев В. «Распутины советского Парнаса», *Общее дело*, Париж, 1921, 17 янв.
- М-ич. «Александр Кусиков, Сергей Есенин. Звездный бык», *Новый мир*, Берлин, 1921, 21 авг.
- Морфесси Ю. «Две встречи с Есениным», Морфесси Ю. *Жизнь. Любовь. Сцена*, Париж, 1931, с. 176-180.
- Москвич. «“Заговор дураков” (Письмо из Москвы)», *Новый мир*. Берлин, 1921, 11 сент., с. 5.
- Москвич. «“Пугачов” (Письмо из Москвы)», *Новый мир*, Берлин, 1921, 14 авг., с. 6-7.
- Москвич. «Поэма о мужик», *Новый путь*, Рига, 1921, 10 сент.
- Мочульский К. «Мужичьи ясли (О творчестве Есенина)», *Звено*, Париж, 1923, 3 сент.
- Мочульский К.В. «Новая поэма Есенина <“Анна Снегина”>», *Благонамеренный*, Брюссель, 1926, № 1, с. 155-156.
- Н. Н-цкий <Николай Новицкий>. «Сергей Есенин. Триптих: Пришествие. Октоих. Преображение», *Шанхайская жизнь*, 1921, 1 марта.
- Н. А. «Третья смена (Обзор русской литературы 1917-1921 гг.)», *Грядущее*, Владивосток, 1921, апр., № 1, с. 43.
- Не-Буква <И.М.Василевский> «Писатели о себе: (Человеческие документы революционной эпохи)», *Накануне*, 1922, 30 июля, Лит. прилож.
- Н. М. П. «Драматизированная история. А. Блок – Рамзес; С. Есенин – Пугачев», *Воля России*, Прага, 1922, 25 марта, № 5, с. 13-14.
- Недзельский Е. «Памяти Есенина», сб, *Воля России*, Прага, 1926, № XI, с. 174-180.
- Осоргин М. «Путешествующие в прекрасном», *Последние новости*, Париж, 1924, 27 марта.
- Осоргин М. «Маяковский. Для голоса», *Современные записки*, Париж, 1924, № 22, с. 456.
- Осоргин Мих. «“Отговорила роща золотая...” (Памяти Сергея Есенина)», *Последние новости*, Париж, 1925, 31 дек.
- Оцуп Н. «Сергей Есенин», *Последние новости*, Париж, 1927, 27 дек.; вошел в кн.: Оцуп Н. *Современники*, Париж, 1961.
- Павлович Л. см. Л.П.

- Первухин М. «Их писатели о самих себе: (Почти не пародия)», *Русское дело*, Белград, 1922, 17 сент.
- Первухин М. «Коммунистка Дункан», *Русь*, София, 1924, 4 мая.
- Первухин М. «Пугачики», *Новые русские вести*, Гельсингфорс, 1924, 11 апр.
- Петровская Нина. «С.А. Есенин. Собрание стихов и поэм. Т. 1», *Накануне*, Берлин, 1922. 19 нояб., с. 10-11, Лит. прилож.
- Петроник <Савицкий П.Н.>. «Идея родины в советской поэзии», *Русская мысль*, София, 1921, янв.-февр., кн. 1/2, с. 214-225.
- Плевицкая Н. *Мой путь с песней*, Париж, 1930, с. 106-107.
- Побегайло Игнат. «Строки о Сергее Есенине», *Ступени*, Белград, 1927, апр., с. 89-91.
- Познер Влад. «Сергей Есенин», *Дни*, Париж, 1926, 24 янв.
- Резник Т. «Роковая весть», *Русский голос*, Нью-Йорк, 1926, 1 янв.
- Ремизов А. *Взвихренная Русь*, Париж, 1927, с. 109, 469-470.
- Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи*, в 2 тт./Вступ. ст., сост. и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: Инкон, 1993.
- С. «Литература в Советской России. Новые течения», *Новая русская жизнь*, Гельсингфорс, 1921, 29 янв.
- Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы / Общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой, М.: Республика, 1995.*
- С.З. (Знаменский С.Ф.) «Поэзия в советской России», *Вечер*, Владивосток, 1920, 29 сент.
- С-в Н. <Светлов Н.> «Стихи скандалиста», *Русский голос*, Харбин, 1924, 5 авг.
- Святополк-Мирский Д. «Есенин», *Воля России*, Прага, 1926, № 5, с. 75-80.
- Святополк-Мирский Д. «С. Есенин Собрание стихотворений», *Версты*, Париж, 1927, № 2, с. 255-256.
- Ск. «Художественная литература в России», *Руль*, Берлин, 1924, 20 янв.
- Скиталец. «Есенин», *Русское слово*, Харбин, 1926, 2 апр.
- Скиталец. «Русская литература и революция (Краткое обозрение)», *Русский голос*, Харбин, 1923, 24 мая.
- Слоним Марк см. М. Сл.
- Слоним М. «Два Маяковских – Роман Газданова», *Воля России*, Прага, 1930, № 5-6, с. 449.

- Слоним М. «Десять лет советской литературы», *Воля России*, Прага, 1927, № 10-11/12.
- Слоним М. «Сергей Есенин» // Слоним М. *Портреты советских писателей*, Париж, 1933, с. 7-19.
- Слоним Марк. «Биография и литература. – Роман Мариенгофа об Есенине. – О личной жизни писателя», *Воля России*, Прага, 1927, № 8-9, с. 92-99.
- Старый хроникер. <Лундберг Е.>. «В Доме искусств»; Посторонний. «Два мира», *Накануне*, Берлин, 1922, 14 мая, Лит. прилож.
- Степун Ф.А. «Литературные заметки (“Тонкий и чуткий г – н Воронский ”)», *Современные записки*, Париж, 1925, № 26, с. 313-329.
- Сторонний. «Вечер памяти С.Есенина», *Дни*, Париж, 1926, 17 янв.
- Талызин М. «Неповторимый» // Талызин М. *По ту сторону*, Париж, 1932, с. 184-195.
- То же, *За свободу*, Варшава, 1924, 28 янв.
- Толстой А.Н. «О новой литературе», *Накануне*, 1922. 11 июня, Лит. прилож.
- Толстой Алексей. «Сергей Есенин. Исповедь хулигана. Третьякница», *Новая русская книга*, 1922, № 1, с. 16-17.
- Туринцев Александр. «Поэзия современной России», *Своими путями*, Прага, 1925, май-июнь, № 6-7, с. 26.
- Устрялов Н.В. «Есенин (К трехлетию со дня смерти)», *Новости жизни*, Харбин, 1929, 6 янв.
- Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. *Русский Берлин 1921-1923*, Париж, 1983, с. 137.
- Фовицкий Ал. «Смерть поэта (Памяти Сергея Есенина)», *Зарница*, Нью-Йорк, 1926, № 8, с. 9-11.
- Формаков А. «Две могилы: Из впечатлений поездки в СССР», *Числа*, Париж, 1933, № 7-8; вошло в перераб. виде в кн.: Формаков А. *Фаина*, Рига, 1938.
- Ходасевич В. «Есенин» («Парижский альбом»), *Дни*, Париж, 1926, 30 мая.
- Ходасевич В. «Есенин», *Современные записки*, Париж, 1926, № 27. с. 292-322. То же // Ходасевич В. *Некрополь*, Брюссель, 1939.
- Ходасевич В. «Литература и власть в советской России», *Возрождение*, Париж, 1931, 10 и 22 дек.

- Ходасевич В. «О Есенине» (из цикла «Книги и люди»), *Возрождение*, Париж, 1932, 17 марта.
- Ходасевич В. «О Маяковском», *Возрождение*, Париж, 1930, 24 апр.
- Ходасевич В. <Письма к Марку Вишняку от 12 авг. 1925 г. и Юрию Терапиано от 12 февр. 1926 г.>, *Знамя*, 1991, № 12, с. 183.
- Ходасевич В. «Цыганская власть <рец. на берлинское изд. кн. А. Мариенгофа "Роман без вранья">», *Возрождение*, Париж, 1927, 23 июня.
- Цветаева М. «Нездешний вечер», *Современные записки*, Париж, 1936, № 61, с. 172-175.
- Цветаева М. «Поэт и время», *Воля России*, Прага, 1932, № 1-3, с. 3-32.
- Цветаева М. «Поэт о критике», *Благонамеренный*, Брюссель, 1926, № 2.
- Цетлин М. «"Красная новь". Янв. – май, 1925>», *Современные записки*, 1925, № 25, с. 477, 480.
- Цетлин М.О. «Истинно народные поэты и их комментаторы (Иванов-Разумник, Есенин, Клюев, Орешин)», *Современные записки*, Париж, 1921, 27 февр., № 3, с. 248-249.
- Цетлин Михаил. «Сергей Есенин. Пугачев», *Последние новости*, Париж, 1922, 16 сент, № 12, с. 381.
- Чириков Евгений. «Инония», *Владиво-ниппо*. Владивосток, 1921, 12 мая.
- Чириков Евгений. «Инония», *Общее дело*, Париж, 1921, 28 февр.
- Штейн Э. «Сергей Есенин в антологиях и сборниках поэзии "русского рассеяния" (опыт библиографического исследования)», *Издания Есенина и о Есенине. Итоги. Открытия. Перспективы*, Есенинский сб., Новое о Есенине, Вып. IV, М., ИМЛИ РАН, Наследие, 2001, с. 231-235.
- Шубникова-Гусева Н.И. «Есенин Сергей Александрович (1895-1925)», *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940)*, т. 4, Русское зарубежье и всемирная литература, Ч. II, М., 2002, с. 8-28.
- Эренбург И. см. И. Э.
- Эренбург И. «О некоторых признаках расцвета российской поэзии», *Русская книга*, 1921, № 9, с. 3-5.
- Эренбург И. «Сергей Александрович Есенин» // Эренбург И. *Портреты русских поэтов*, Берлин: Аргонавты, 1922, с. 82-91.

- Эренбург Илья. «Сергей Есенин. Трерядница. Исповедь хулигана», *Новая русская книга*, 1922, № 1, с. 17-18.
- Юсов Н. *Прижизненные издания С.А.Есенина*, М.: Златоцвет, 1994.
- Яблоновский Александр. «Есенин», *Возрождение*, Париж, 1925, 31 дек.
- <Ярмолинский Авраам>. «“Пугачев”. Сергей Есенин», *Новое русское слово*, Нью-Йорк, 1922, 20 дек., с. 3.
- <Яценко А.С.>. «Писатели. Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1920 гг.»; <Б. п.> «Книжная летопись. Русские книги, появившиеся в 1918-1920 гг. вне Советской России», *Русская книга*, Берлин, 1921, № 1, с. 22, 41.
- Яценко А. «Русская поэзия за три года», *Русская книга*, Берлин, 1921, март, № 3, с. 10.
- Яценко А. «Скифы», *Голос России*, Берлин, 1920, 23 (10) дек.
- McVay Gordon. «Георгий Адамович о Сергее Есенине: Новые материалы», *Revue des études slaves*, Paris, 1995, т. 67/1, с. 145-159.